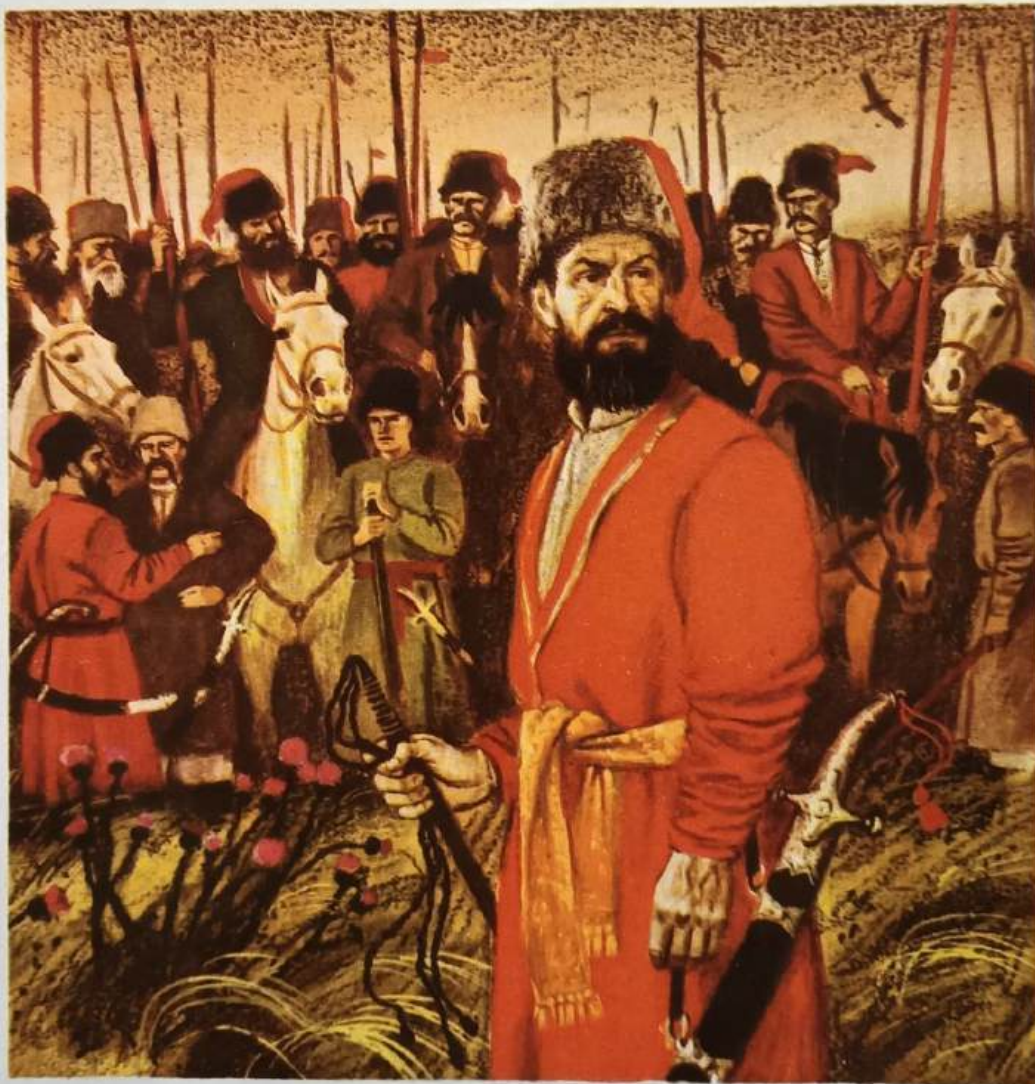

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
НАШЕЙ РОДИНЫ

ОЛЕГ ТИХОМИРОВ

ВО ШИРОКОЙ
СТЕПИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1987

ОЛЕГ ТИХОМИРОВ

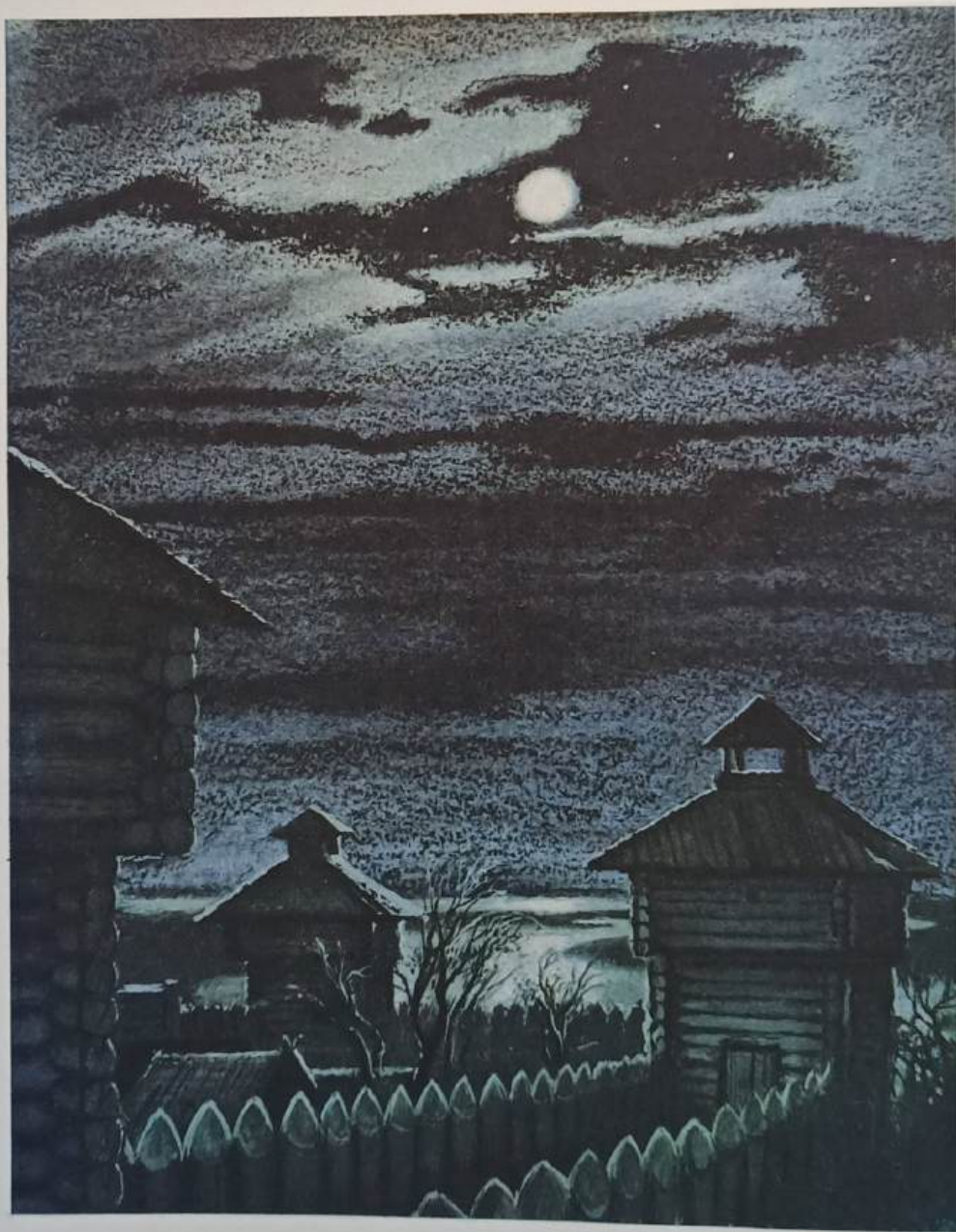
ВО ШИРОКОЙ СТЕПИ

Рассказы
о крестьянском
восстании 1707-1708 гг.
под руководством
Кондратия
Афанасьевича
Булавина

РИСУНКИ
С. БОРДЮГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
МОСКВА 1987

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

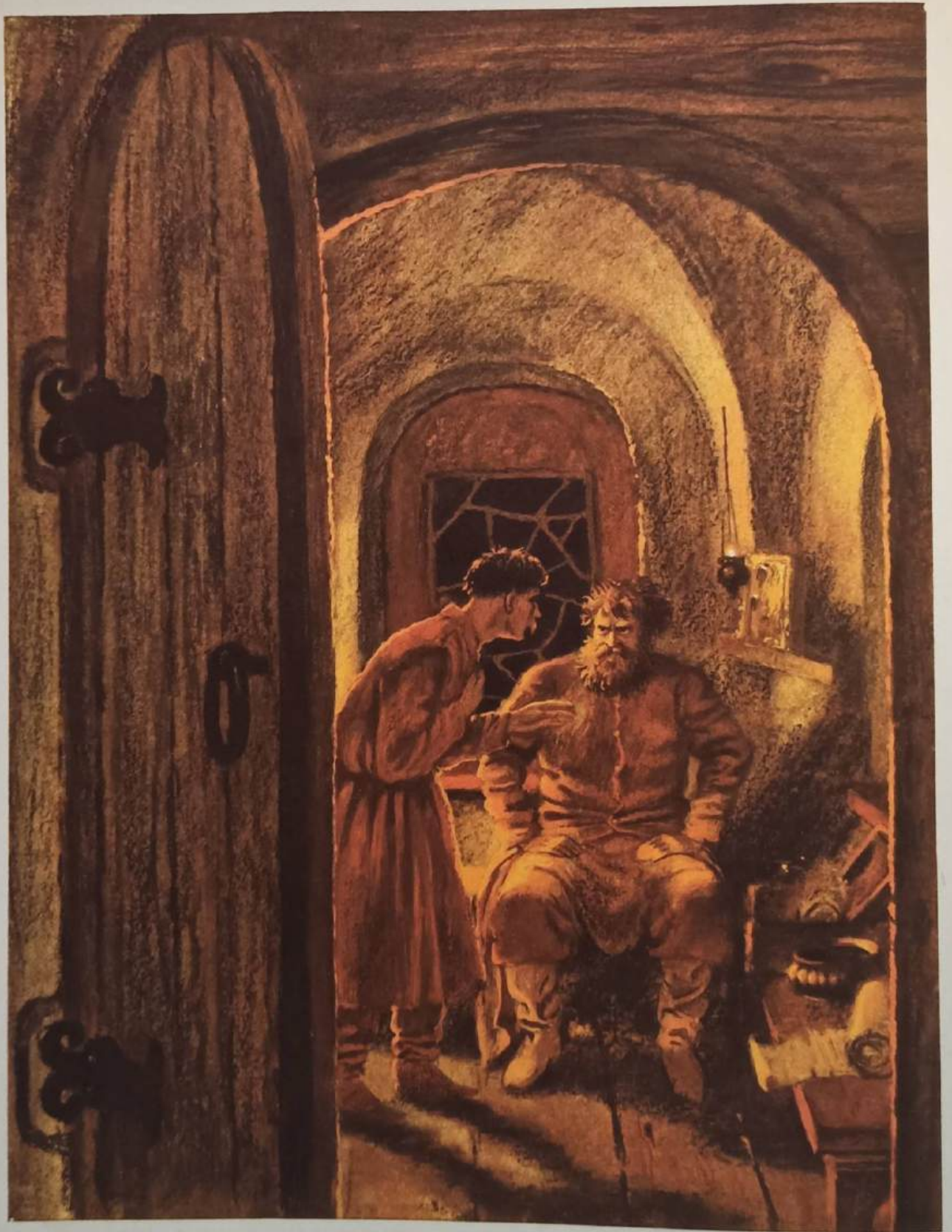
Город спал. Лишь караульные возле ворот и дозорные на высоких стенах не смыкали глаз, дожидаясь утра, а стало быть, и смены.

Ночь выдалась тихая, безветренная. Когда в чёрном небе выныривала из-за облаков луна, Дон походил на огромную змею, которая нескончаемо ползла и ползла к морю, поблёскивая серебряной чешуёй.

Казалось, в такую ночь ничто не могло потревожить покой атамана Войска Донского — Лукьяна Максимова. А между тем атаман был дважды разбужен. В первый раз — спешным гонцом от князя Долгорукого. Князь сообщал, что вожак казачьей голытьбы и беглых мужиков Кондрат Булавин выступил походом на Черкасск. Князь велел крепко держаться, обещал скоро прийти на подмогу. Лукьян знал о походе Булавина и без гонца. Однако выслушал княжеского посланника почтительно, одарил серебряной монетой: Долгорукий был птицей важной — пришёл на Дон со своими полками по приказу самого царя Петра Алексеевича.

Едва прилёг атаман после разговора с гонцом, как вновь подняли его. На этот раз верный человек доставил и в самом деле важную весть. Он рассказал Максиму, что казаки ближних станиц решили пропустить Булавина к Черкасску без боя.

У Лукьяна Максимова гневно задёргалось веко. Мог ли он раньше предположить, что какой-то казак из Трёхизбянской станицы, ставший атаманом в городке Бахмуте, будет для него опасен? Максимов вскочил, зашагал по избе. «У Кондрата — войско?! Всякий сброд, а не войско. Мужики, сбежавшие от помещиков, посадская голь да

казачья беднота. Им покажи плеть — в три погибели согнутся».

И вдруг атаман опомнился. Сел на скамью, поник. Давно ли он разбил булави́нцев возле станицы Закотной и послал в Москву царю донесение: «Воровство¹ Кондрата Булавина искоренили. Почало быть во всех казачьих городках смирно». Давно ли обещал тому, кто поймает Кондрата, двадцать тысяч рублей? Но прошло лишь полгода, и Булавин повёл на Черкасск — столицу Войска Донского свои отряды. Тянется к Булави́ну пополнение, повсюду идёт про него молва: мол, вступился Кондрат Афанасьевич за всех сирых и обиженных... Нет, что ни говори, силен Кондрат Булавин.

Атаман выпил холодной воды. «Нельзя падать духом. Не всё потеряно. Князь Долгорукий движется на подмогу. А пока что можно будет отсидеться за городскими стенами, если мятежники подойдут вплотную. Что касается ближних станиц, которые хотят пропустить Булавина без боя, то можно им пригрозить: не будете вести огонь по врагу, начнём обстреливать вас из пушек. На городских стенах ни мало ни много — сорок пушек имеется, да пороху запасы великие, да ядер — не счесть. Нужно будет немедля с утра послать людей, чтоб передали станичной голытьбе грозное предупреждение».

ПОЖАР

Бывший бахмутский атаман, а ныне предводитель восставшей голытьбы Кондратий Афанасьевич Булавин слыл человеком рассудительным и справедливым. Немолод, перевалило за сорок, в густой чёрной бороде проседь — будто борода чуть пеплом присыпана. По левой щеке короткий рубец — когда-то пуля царапнула. Лицом

¹ Воровством в ту пору называли неповиновение властям, ворами — бунтарей и мятежников.

Булавин часто бывал хмур. Улыбался редко, жизнь не приучила. Зато если вдруг засмеётся, у всех на душе светло.

Вот и сейчас, глянув на писаря, который прочитал ему послание, присланное атаманами пяти станиц, Булавин рассмеялся, стукнул себя ладонью по колену:

— Ай хитры, чертяки!

Атаманы расположенных подле Черкаска станиц писали Кондратию Афанасьевичу: «Милости просим. Когда ты изволишь к Черкаску приступить, на наши станицы не наступай. Мы будем бить по тебе из ружей пыжами¹. И ты вели своему войску стрелять в нас пыжами».

Булавин уже посылал в Черкасск и в станицы своих людей. Там они подговаривали бедноту подняться против домовитых², обещали, что Кондрат Афанасьевич, мол, в обиде вас не оставит. И вот пришло это послание.

— Ружья пулями не заряжать, — приказал тут же Булавин. — По станичникам будем бить пыжами. Чтоб ни одной капли крови не пролилось!

Когда писарь и ближние помощники ушли, Булавин задумался. Опять впереди бой. Да не просто бой, а сражение за столицу Войска Донского. Там, за стенами Черкаска, упрятались Максимов и казачья старшина — атаманы, их помощники есаулы и прочие богатеи. Удастся ли быстро взять город? Ведь если вести долгую осаду, успеют подойти полки Долгорукого. Нет, с Черкасском медлить нельзя. Ну ладно, а коли одолеем Максимова, куда потом двинуться: на Азов или на Воронеж, а там, глядишь, — на Москву?

Булавин тряхнул головой. «Да, сила с тобой, Кондрат, большая, — сказал он себе. — Не для того ли бежала сюда голытьба от помещиков, чтобы стать вольными людьми? Да царь, вишь, послал на Дон войско с повелением бег-

¹ Пыж — войлочная прокладка, которой уплотняли пороховой заряд.
² Домовитыми на Дону звали зажиточных казаков.

лых сыскать и вернуть прежним хозяевам либо отправить на каторжные работы. Видать, не ведает он, как горько живётся простому люду. Вот ведь какой пожар разгорелся! И не только на Дону. Повсюду поднялся народ за волю и правду. Мало ли здесь мужиков из уездов Воронежского и Тамбовского, Борисоглебского и Козловского? Всех не сочтёшь. Понабежало людей с рыбных и соляных промыслов. Да бурлаки и матросы, да стрельцы и работные люди со строек и верфей...»

Кондратий Афанасьевич вспомнил, как он поджёг соляной завод в Бахмуте. Поджёг потому, что по царскому повелению завод был отобран у казаков и передан

полковнику Шидловскому. «Пущай никому не достанется! — шумела казачья беднота. — Пущай всё сгорит!» Ай, славно пылали солеварни, тысячи искр прорывались сквозь дым, улетали в ночное небо!

«Три года минуло, — думал Булавин, — а пожар восстания не унимается. Нелегко загасить его. Ой, нелегко! Ну, да ладно — то царёвы заботы. А наше дело — взять Черкасск. Да покамест перед боем надобно посытнее накормить людей. Кое-кто из новопришлых еле на ногах стоит. Держись, горемыки! Накормлю вас, одену, обую. Разгибайте спину. За свою волю вступились...»

ЗНАМЯ ВОЛЬНОСТИ

Надёжной крепостью был Черкасск. Его сорок пушек смотрели во все стороны. Стоял городок на реке, шесть станиц окружали его, защищая подступы. Атаман Максимов считал: булави́нцам ни за что Черкасск не взять.

— Отсидимся, — сказал он всей старшине, — а там, глядишь, Долгорукий подоспеет с подмогой.

Тем временем челны Булавина уже двигались по Дону мимо станиц, прикрывающих Черкасск. Станичники встречали их яростным огнём. Хоть и знали булави́нцы о придуманной военной хитрости, а всё же у многих побежали по спине мурашки. Страшновато, когда по тебе палят. Но глядь — впрямь нет никакого урона от этой жаркой стрельбы.

— Что, молодцы, присмирели?! — крикнул своим Булавин. — А ну отвечай дружнее!

И вот загремели ружья булави́нцев.

Казалось, от одного лишь грохота, что стоял над рекой, разлетятся челны в щепы.

Лукьян Максимов вслушивался в отчаянную перестрелку. «Да, близко подступил Булавин, — думал войсковой атаман, — но Черкасск ему не взять. Зубы поломаёт. А там подойдут царские полки...»

Атаман захотел выйти на городскую стену, поглядеть на всё своими глазами. Но едва он вместе со старшинами появился на улице, как был окружён толпой. Два казака выхватили у него пистолет и саблю.

— Да вы что?! — воскликнул Максимов.

— Ничего, Лукьян Васильевич, кончилось твоё атаманство.

Старшина тоже была разоружена. Восставший в Черкасске народ распахнул ворота перед Булавиным.

Весело заиграло, заплескалось над городом знамя восставших. Прикрепил его к длинному шесту старый казак Иван Лоскут.

ДРУГ

Немало было верных товарищей у Кондратия Афанасьевича.

А самый близкий — Иван Лоскут. Сорок лет назад беглый крестьянин Ванька плавал на челнах с донским атаманом Степаном Разиным, который тоже вступился за голытьбу и обиженных.

Про атамана Разина, что заставлял дрожать от страха царских воевод, взял город Астрахань, но потом был

предательски выдан властям богатеями, ходило немало песен. Подавили то восстание. Казнён был в Москве Степан Разин. Да остался навсегда в памяти и в сердцах у простого люда.

С тех давних времён хранил Иван разинское знамя. И вот вновь теперь забилось оно на ветру среди булавинцев. Совсем как в пору славного Разина.

Старик Лоскут был высок и худощав, с прямой спиной — когда он шёл, чудилось со стороны, будто шест вышагивает. Седые длинные усы его висели понуро, да и нос с небольшой горбинкой оттянулся книзу. Лоскут на

коне скакал так, что молодым не угнаться, и саблей лихо рубился, из ружья метко стрелял.

В войске у Булавина Лоскут был полковником. С ним Кондратий Афанасьевич советовался чаще, чем с другими: ценил старика за ясный ум и рассудительность.

СУД

Максимова привели к Кондратию Афанасьевичу. Атаман Войска Донского насупившись взглянул на Булавина.

— Вели отпустить меня, Кондрат. Не тебе надо мной суд вершить. Войсковым атаманом меня круг¹ выбирал.

— Развязать ему руки, — приказал Булавин и добавил, обращаясь к Максиму: — Не убежишь. А коли круг тебя выбрал, он же и судить тебя будет.

— Опомнись, Кондрат, — глухо проговорил Максим. — Царёвы полки на Дон идут. Государь тебя не простит.

Собравшийся круг решил: Лукьяна Максимова и тех атаманов, что жгли станицы восставших и людей губили, предать смерти.

Максимов попробовал заговорить по-другому.

— Браты, — обратился он к кругу. — Я такой же казак, как и вы...

Договорить ему не дали. Зашумели:

— Чёрту ты брат!

— Себе добро наживал, а нас грабил.

— Рядится волк в овечью шкуру!

Новым войсковым атаманом круг выбрал Кондратия Афанасьевича Булавина. Было это в мае 1708 года.

Перво-наперво Булавин приказал снизить цену на хлеб, чтобы не было голода среди вольных людей.

---

¹ Круг — сходка, собрание казаков.

«СТАЛ Я С ВАМИ ЗА ПРАВДУ»

Полки князя Долгорукого вошли в Воронеж. Не зная, что случилось с атаманом Максимовым, Долгорукий написал ему в Черкасск, чтобы тот пустил весть по всем городкам: царское войско идёт, пусть донцы приносят повинную, а станут противиться, будут «пожжены все без остатку».

Булавин повелел собрать в Черкасске круг. Тысячи повстанцев собрались на большом поле. С утра над городком навис зной. Ветер, вяло веявший из степей, прохлады не приносил. Он был сух и горяч, он впитал в

себя запахи выжженных трав, среди которых выделялся горький запах полыни.

Казаки то и дело доставали огниво, запаливали трут, раскуривали трубки. От табачного дыма, казалось, меркнет солнце.

Да оно и впрямь стало меркнуть: всё заполняла пришедшая нивесть откуда мгла.

Кондрат Афанасьевич стал на пустую бочку посреди поля. Гул голосов стих.

— Братья-казаки! Ведомо вам, что государевы полки идут на нас для разорения. От рук царёвых карателей уже гибнут вольные люди на Хопре, Северском Донце и Волге. Сгорели их городки и станицы. Слезами и кровью полита их земля. Выбор у нас таков: либо стоять будем за волю до последнего вздоха, либо повинимся перед государем да наденем на себя хомут.

Зашумел круг:

— С нас шкуру драть, а мы — на колени!

— Не бывать тому!

— Веди, атаман, на бой!

Долго ещё бурлил круг, унять его не было никакой силы.

А сизая мгла в небе сгущалась.

Ветер вовсе исчез.

На вербах, что росли по краям буерака, даже лист не шелохнётся.

— Тихо, казаки! — Булавин выдернул из ножен саблю, взмахнул ею. — Про себя скажу так: коли стал я с вами за правду против боярского племени и старшин, с дороги этой не сверну.

Голос у атамана был зычный. Казалось, не на Черкасском круге держит он речь, а говорит со всем Доном. Закончил Булавин так:

— Клянусь быть с вами до смертного часа. А ежели я отступлюсь и не исполню слов своих, пусть мне отсекут голову.

Пошёл дождь. Как из ведра. Будто небо теперь торопилось выдать с лихвой всё то, что было земле не дано. Круг не расходился. Повстанцы кричали:

— Мы с тобой, атаман!

— Не быть вольному Дону на коленях!

— Все пойдём рубиться за волю!

— Про имя государя, — произнёс Булавин, чуть помолчав, — чтоб никто впредь не вспоминал. Повинную приносить ему не будем. И не батюшка он нам более, ежели боярам потакает, а мы не дети его. По своей воле делать всё станем, как надобно!

— Истинно говоришь, — отозвался Иван Лоскут.

На Северский Донец, Хопёр и Волгу было решено послать отряды. Во главе их Булавин поставил своих верных сподвижников: атаманов Игната Некрасова, Семёна Драного, Никиту Голого. Через несколько дней отряды выступили.

ЗАГОВОР

В столице Войска Донского осталось много зажиточных казаков, которые делали вид, что заодно с Булавиным, а сами лишь выжидали время, чтобы подняться против. Некоторые из них, например атаман Зернщиков и есаул Ананьин, тайно связывались с Долгоруким: доносили ему обо всех планах Булавина.

И вот время расквитаться с Булавиным наступило.

...В дом к Кондратию Афанасьевичу вбежал Ананьин. Сжимая в руке пистолет, он несколько раз оглянулся на дверь.

— Атаман, в Черкасске бунт. Беглые голодранцы наших бьют. Вели стрелять в изменщиков!

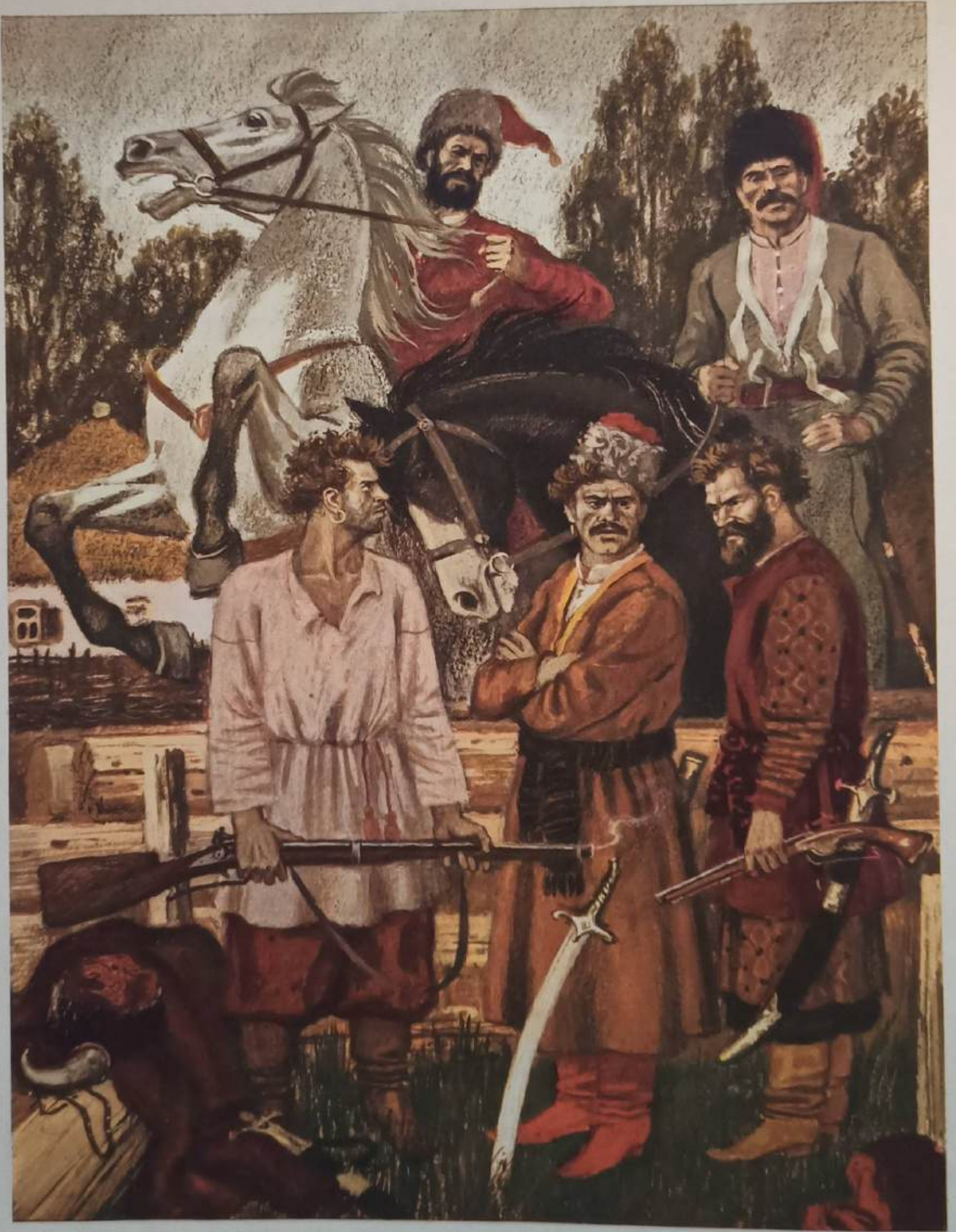
— Говори толком, кого бьют?

— Казаков. За хлеб. Хлеб, кричат, попрятали.

Булавину уже говорили, что домовитые, не желая продавать зерно по низкой цене, прячут его. Кондратия Афанасьевича очень беспокоили эти вести. Как бы голод не настал. А там поднимутся волнения, разлады в его войске. Да, надобно поскорее пресечь действия домовитых.

Ананьину он доверял. Не из богатеев. Бывал не раз в походах вместе с Булавиным. Только не ведал Кондрат Афанасьевич, что подкупили домовитые Ананьина и что прислан он ими.

— Попрятали, говоришь? — Булавин на ходу прицепил саблю, сунул за пояс два пистолета. — Ты что свой пистоль в руке держишь? Гнались, что ль, за тобой?

— Гнались, — произнёс Ананьин.

Домовитые велели ему выстрелить в Булавина. А после выстрела они бы накинулись на охрану и выручили бы Ананьина. Очутившись у Кондратия Афанасьевича, есаул хотя и вынул пистолет, но стрелять не решился: охраны оказалось больше, чем предполагали. Тысяча рублей была обещана есаулу — мешок денег! — да своя-то жизнь дороже.

— Где народ? — Булавин торопливо взглянул на Ананьина.

— У Михайловского куреня¹, атаман.

Домовитые неспроста выбрали этот день и час, чтобы послать убийцу к Булавину. Возле Михайловского куреня и впрямь волновалась голытьба — хотела прорваться на огороженный двор, чтобы отобрать зерно. Богатый казак Михайлов вместе с братьями залёг за брёвнами, уготовленными для постройки мельницы, и кричал, что прошибёт голову каждому, кто сунется. Да и в других местах Черкаска недовольно гудела голытьба. Самый раз, думали заговорщики, расправиться с Войсковым атаманом, коли смута пошла в городе.

Булавин махнул есаулу рукой:

— А ну, живо! — И метнулся к порогу.

Во дворе он вскочил на осёдланную лошадь, крикнул:

— За мной!

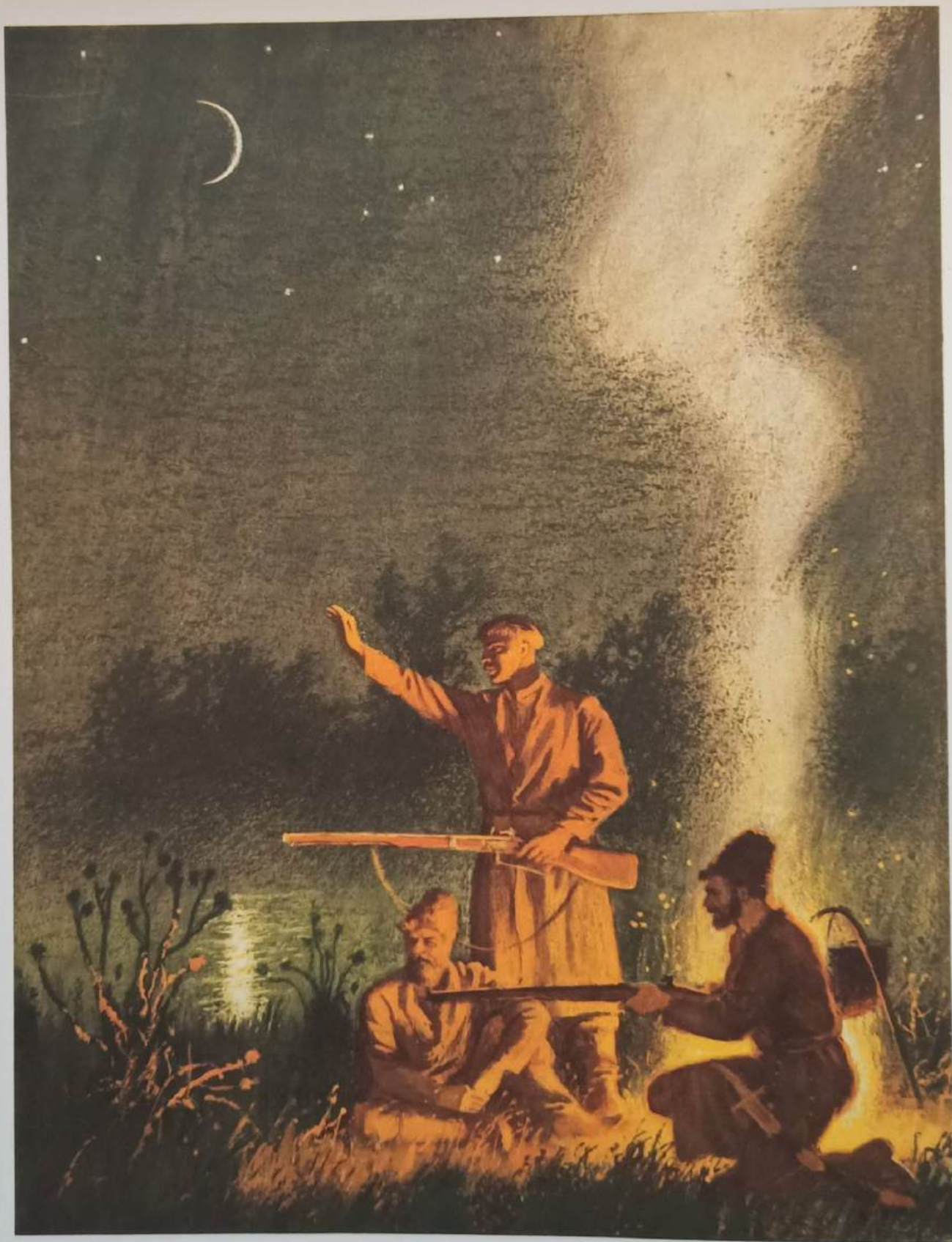
Есаул и несколько человек из охраны поскакали следом.

Заговорщики, увидя несущегося Булавина, пальнули по нему несколько раз. Но подоспела охрана. Кучка домовитых рассыпалась.

Волнение у Михайловского куреня Булавину удалось унять.

Голытьбе он объявил, что забирает для неё весь «государев хлебный запас».

¹ Курень — жилой дом в казачьих селениях.

В СТЕПИ

Ночь была тёмная. Народившийся месяц, что повис в небе тоненьким серебряным коготком, почти не давал света.

Табуны Войска Донского, как всегда, паслись в ту ночь в степи. Стояла тишина. Только слышно было, как похрустывают травую лошади.

Вечером, когда догорала заря, табунщикам удалось подстрелить двух гусей. И вот теперь пастухи собрались у костра, над которым булькал казан, где варились гуси.

— Соли-то, Митька, подбавь, не скупись, — сказал старший табунщик, попробовав ложкою варево.

— Где же взять? — отозвался Митька. — Нетути больше.

— Ты у себя в суме-то поройся, — вступил в разговор ещё один пастух, — а хошь, давай я сыск устрою.

— Ишь сыщик нашёлся!

— Да ты не бойся. Завтра отдам.

— До завтра ещё дожить надобно.

— Будет препираться, — опять заговорил старший табунщик. — Давай, Митька, соль. Тебе подобра... — И вдруг умолк, прислушиваясь. — Чу!.. Едет кто-то до нас. Слышь, кони топают, — сказал он и закричал: — Стой!.. Стрелять буду!

Табунщики схватились за ружья.

— Свои, — откликнулись из темноты. — Погоди, подъедем.

— Подъезжай покамест один.

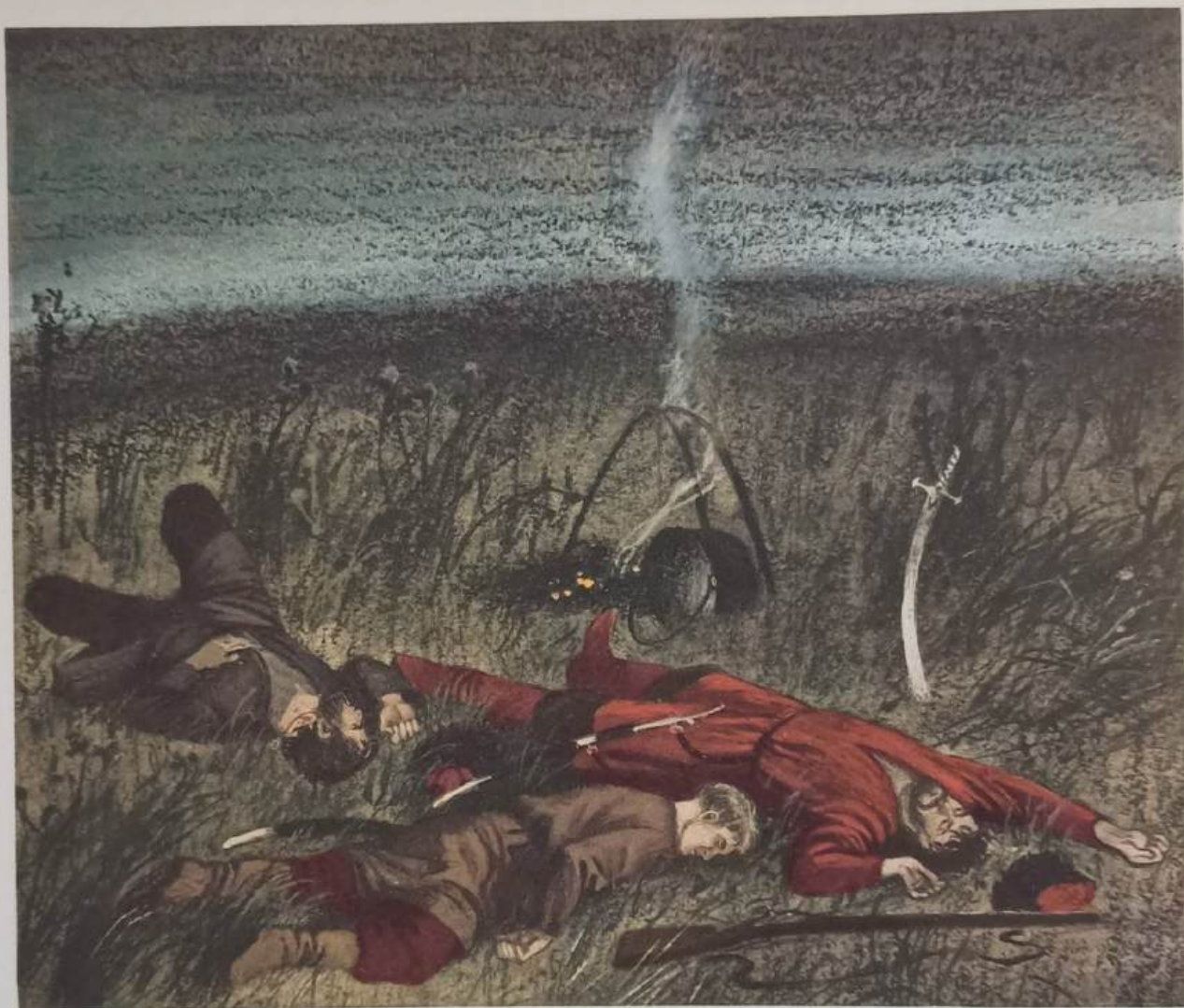
В свет костра вступил всадник.

— Атаман Зернщиков я. Узнаёшь?

— Точно он. Илья Зернщиков, — старший отставил ружьё.

— Вы все здесь? — спросил атаман.

— Не. Трое на той стороне.

— Пошлите за ними.

— Нашто?

— Ты выполняй, что велят. Дело есть.

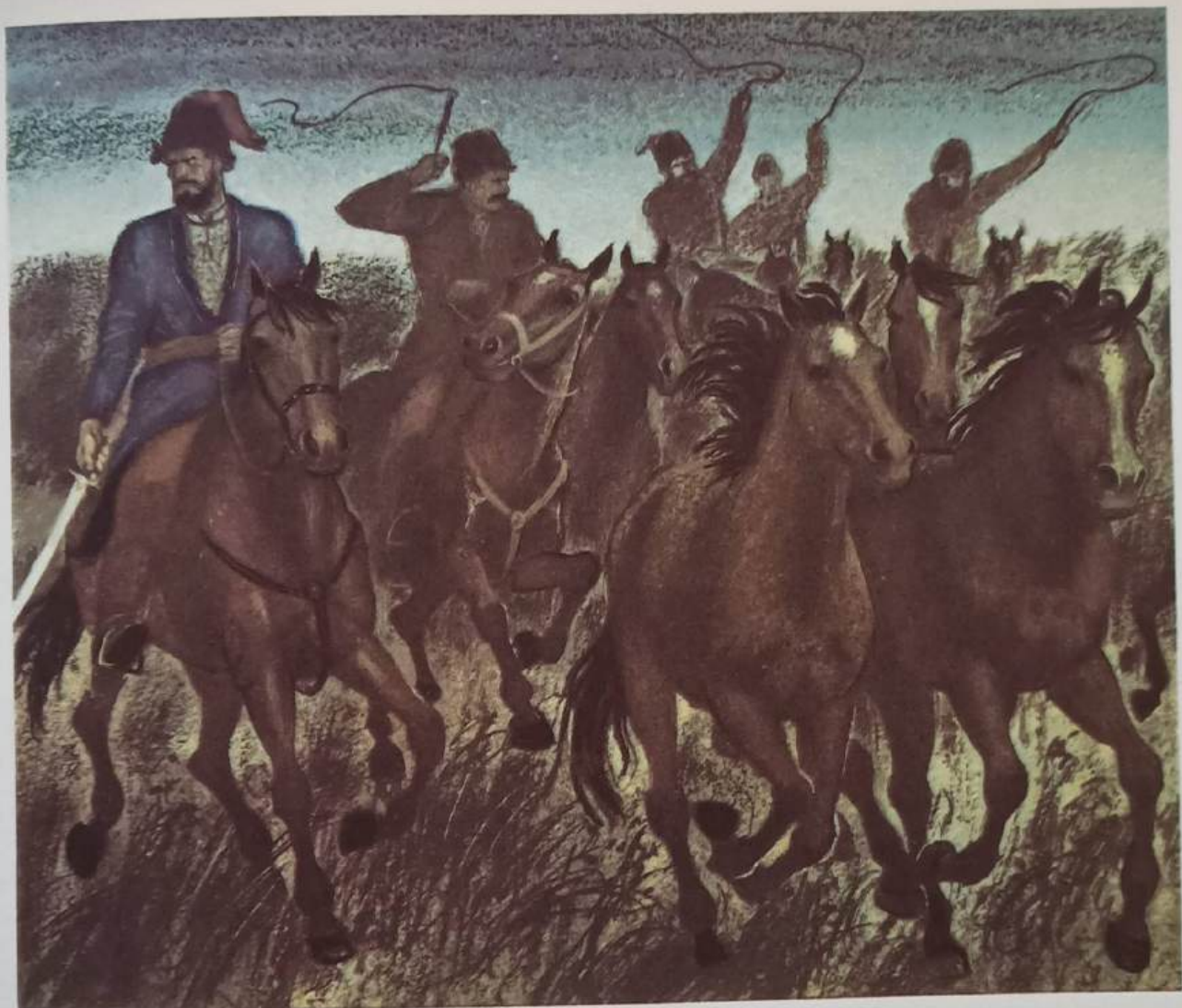
Из тьмы вышли тем временем остальные, кто был с Зернщиковым, — человек двадцать, при оружии. Атаман шагнул к костру, посмотрел на казан, принялся.

— Снимать пора, — заметил, — переварите.

— Сымем...

Когда все пастухи собрались, старший проговорил:

— Что за дело, сказывай?

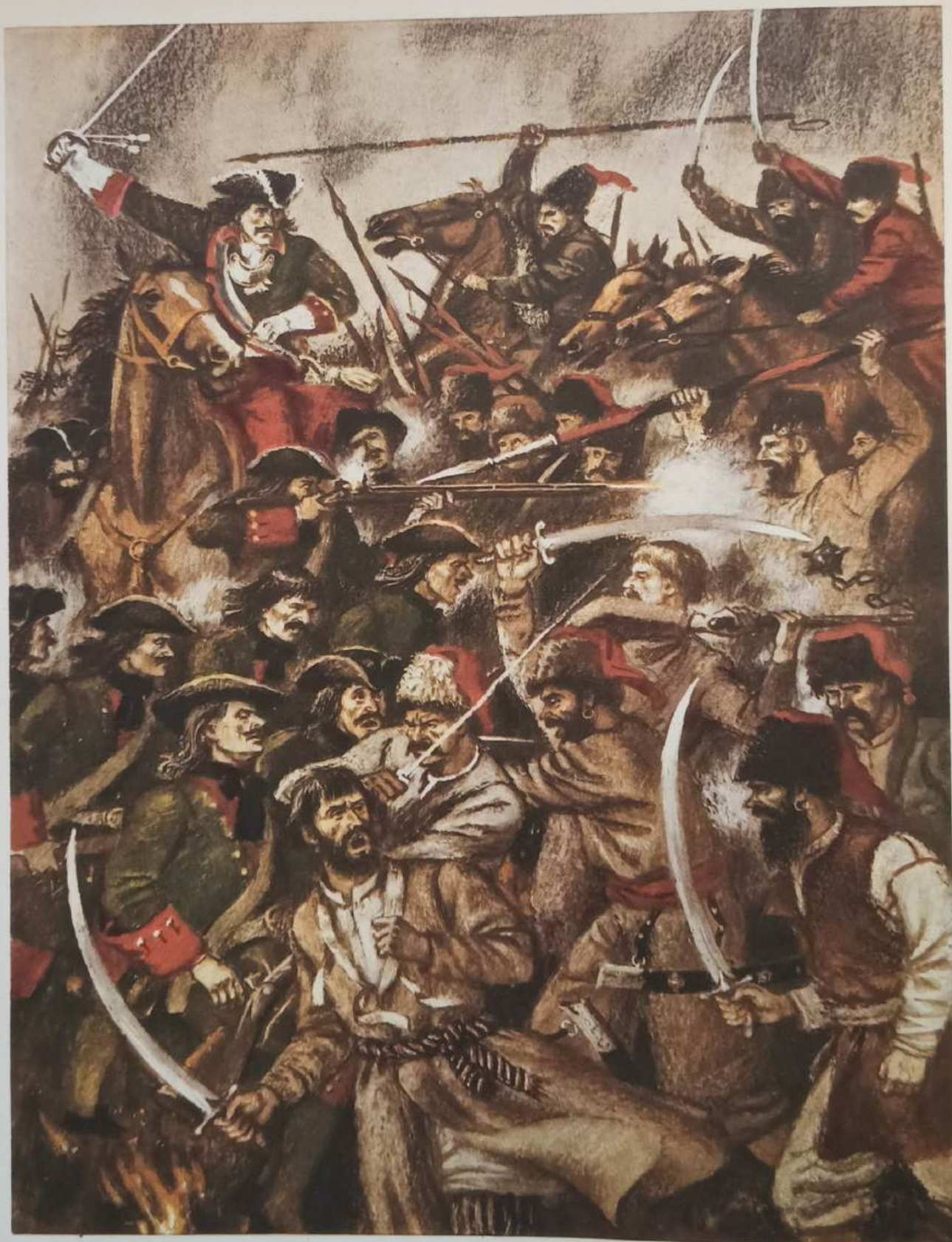
— А вот что... — Атаман выхватил саблю и с силой наотмашь ударил табунщика.

Полегли под саблями и остальные пастухи. Охнуть не успели.

В ту же ночь домовитые отогнали табуны булавинцев к Азову.

Когда азовскому губернатору доложили о захваченных табунах, он воскликнул:

— Свершилось! Безлошадных-то казаков голыми руками возьмём!

ИЗМЕНА

Между тем атаманы Булавина в разных местах вели сражения с царскими войсками. Отряды Семёна Драного и Никиты Голого 8 июня 1708 года разбили под Валуйками Сумской полк, захватили обоз и четыре пушки. На Волге повстанцы под началом атаманов Хохлача и Некрасова осаждали Саратов и Царицын. Государевы воеводы с большим трудом выдерживали осаду.

Однако 1 июля царские полки разгромили на Северском Донце войско Семёна Драного. Погиб и сам атаман.

А 6 июля в жестоком бою под стенами хорошо укреплённого Азова потерпели поражение главные силы булавинцев.

Много повстанцев пало в том бою. Азов был мощной крепостью — 180 пушек и дробовиков палили с его стен. Да ещё с кораблей вели огонь по казакам.

Весть о поражении булавинцев домовитые восприняли с радостью. В Черкасске они собрались на тайную сходку. Там было решено: Булавина нужно похитить и выдать царю.

— Убить проще, — заметил один из предателей.

— За живого больше получим, — возразил атаман Зернщиков.

— Вестимо, больше, — поддержал есаул Ананьин.

7 июля дом Булавина был окружён заговорщиками. Охрану уничтожили. Четверо заговорщиков бросились в дом. Кондратий Афанасьевич сразил двоих выстрелами из пистолетов, третий упал, рассечённый саблей, четвёртый выскочил назад.

Булавин тяжёлыми скамьями припёр дверь, перезарядил пистолеты.

— Сдавайся подобру! Нас много! — кричали снаружи.

— За измену головами ответите, — отозвался Булавин.

— Мы тебя возьмём! — кричали Булавину.

Нападавшие доставили к дому несколько небольших пушек.

«Буду биться до последнего, — думал Кондратий Афанасьевич. — А может, выручка подоспеет — побьют изменщиков...»

И вдруг стало тихо. Затем послышался конский топот.

Что такое?.. Никак свои прискакали?

— Кондрат Афанасьевич!.. Слышь, Кондрат Афанасьевич!.. — раздался под окном знакомый голос. — Открой, это я.

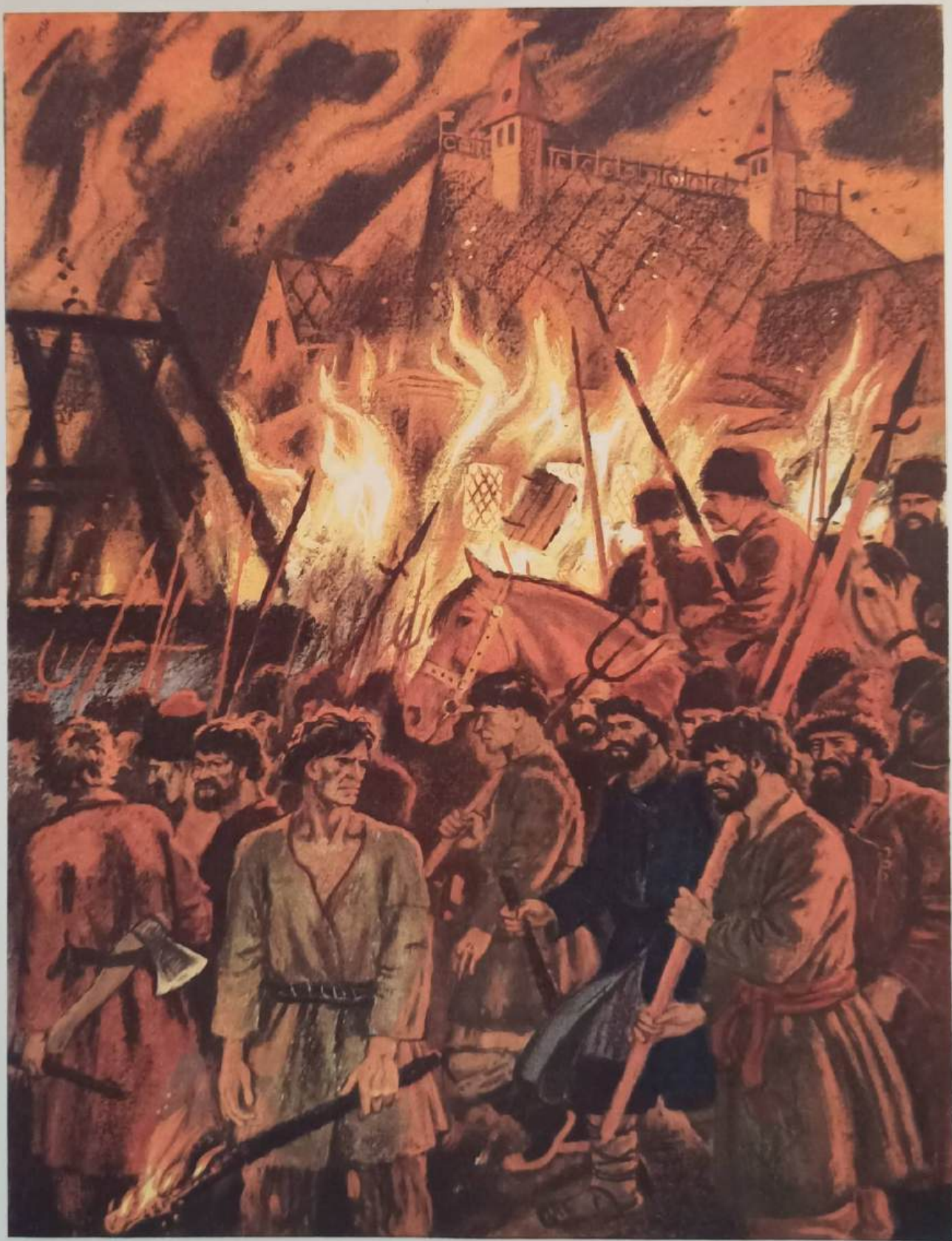
Булавин выглянул в окно, увидел Ананьина.

— Друг!.. Вовремя успел. В самый раз...

Есаул выстрелил.

...Атаман Зернщиков поспешил распространить слух по всему Черкасску: Булавин застрелился сам. Струсил, мол, вот и пустил пулю в лоб. Изменнику нужно было опорочить предводителя казацкой бедноты. Выставить его перед всеми слабым, безвольным.

Тело Булавина распорядились отправить в Азов. Пусть, мол, губернатор убедится, что верны царю домовитые казаки и старшина. Не за голытьбу они, а за царя.

* * *

Царь, узнав о гибели Булавина, отправил всем российским губернаторам и воеводам известие о том, что вор Булавин убит, бунт на Дону подавлен. Князю Долгорукому царь написал, что пора возвращаться, поскольку «сие дело, слава богу, счастливо окончилось».

Но Долгорукий, хотя и принял присягу на верность от черкасских жителей да казнил многих повстанцев, всё же понимал: уводить войско с Дона нельзя. На Волге казаки захватили Камышин. Булавинский атаман Игнат Некрасов взял штурмом Царицын. Царицынского воеводу приговорили к смерти. Никита Голый продолжал сражаться с карателями на Северском Донце. Беднякам он рассылал письма: «Нам дело до бояр и которые неправду делают. А вы, голытьба вся, идите изо всех городов — конные и пешие, нагие и босые, идите, не опасайтесь, — будут вам и кони, и ружья, и платье, и денежное жалованье...»

Не только на юге России, но и на западе мужики жгли поместья, громили дворы воевод, захватывали из городских амбаров зерно, выпускали колодников из тюрем. Мужики брались за оружие, бились за волю и правду.

И опять плескалось на ветру знамя. Знамя вольности. Знамя свободы.

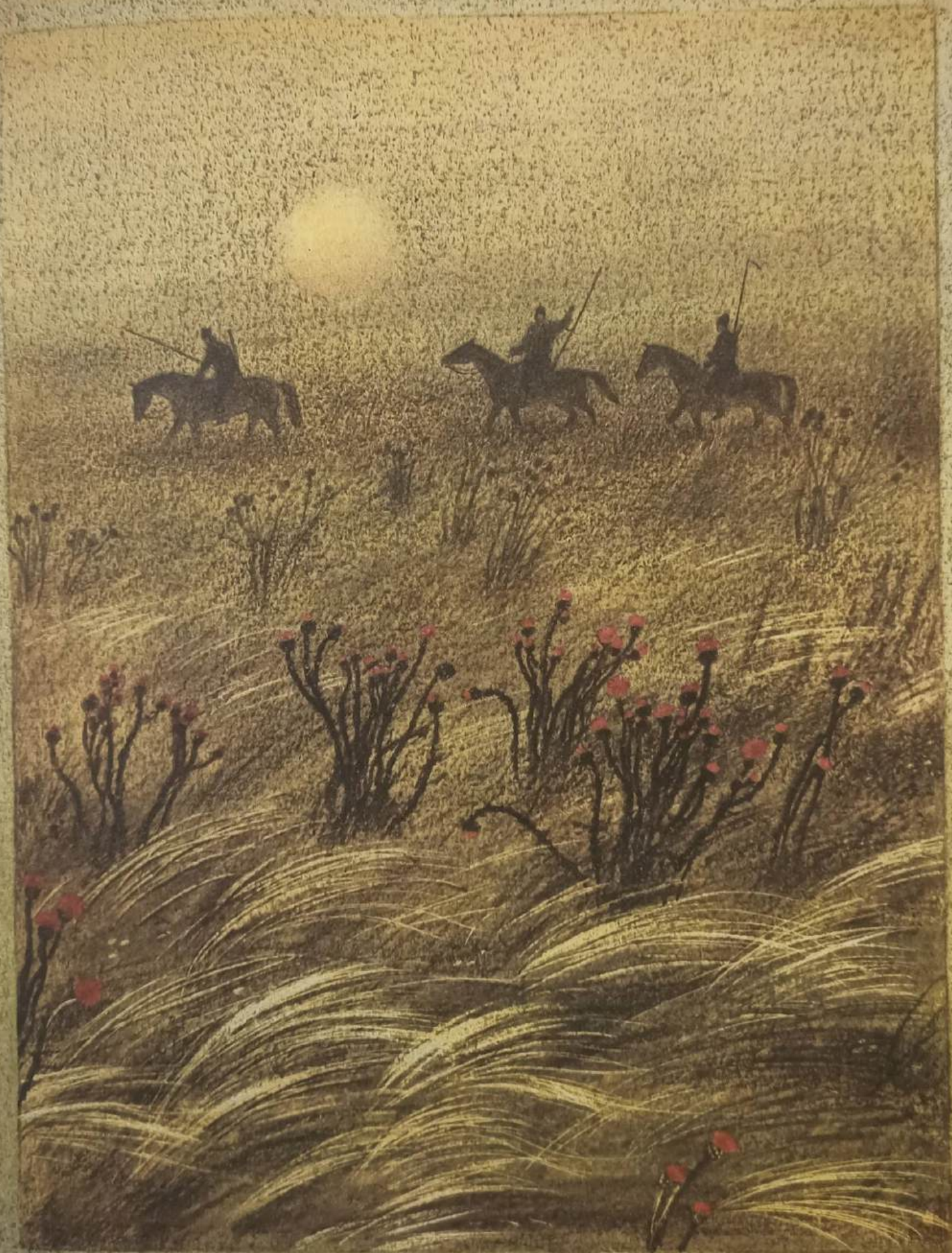

СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ	3
ПОЖАР	5
ЗНАМЯ ВОЛЬНОСТИ	11
ДРУГ	12
СУД	14
«СТАЛ Я С ВАМИ ЗА ПРАВДУ»	15
ЗАГОВОР	19
В СТЕПИ	23
ИЗМЕНА	27

Для младшего школьного возраста

Олег Николаевич Тихомиров
ВО ШИРОКОЙ СТЕПИ

Художник С. Бордюг

Редакторы Л. Архарова и Е. Рыжова.
Художественный редактор О. Ведерников.
Технический редактор Е. Соколова.
Корректор Н. Шадрина.
ИБ № 2138

Сдано в набор 17.07.86. Подписано в печать 24.02.87. 60×90¹/₈.
Бум. офс. № 1. Гарнитура банниковск. Печать офсетн. Усл.
печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 27,0. Уч.-изд. л. 2,95. Тираж 150 000 экз.
Изд. № 1452. Заказ № 1159. Цена 45 коп. Издательство
«Малыш». 121352, Москва, Давыдовская ул., 5.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграф-
комбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглав-
полиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин,
проспект 50-летия Октября, 46.

Т 4803010102—048 90—87
М102(03)—87

© Издательство «Малыш» 1987

